

давно кристаллизовались в недрах феодализма. Россия в ту же смуту начала XVII века фактически себя уничтожила, вдрызг разбив не то что свое хозяйство, а самое государственность. Пришлось все начинать сначала — избирать новую династию, упрочивать ее власть авторитетом и надзором Земских соборов, налаживать государственную машину... такую же деспотично-бюрократическую, как до смуты, а может быть, и хуже.

В общем, чем одареннее народ психически, чем сильнее его сенситивность, чем более чувствительным, живым веществом планеты от является, тем тяжелее его жизнь, тем разрушительнее сказываются на нем неизбежные кризисы. На ход эволюции влияют многие факторы. Например, географические, геофизические.

Бескрайность просторов России, ее равнинность, равномерность при редких пунктах концентрации, по плотности и качеству материала не слишком отличающихся от разреженных пространств (какой-нибудь уездный городишко — просто большая деревня), то есть весьма относительных, уподобляют ее пологой волне без крутых подъемов и спадов, без резко выраженных гребней и впадин. Россия — это не напряженная структура. В таких структурах эволюция идет качественно иначе, чем в структурах, от природы напряженных.

Внутренней энергетике напряженных структур достаточно для того, чтобы эволюционный процесс шел размеренно, если не сказать, планомерно, и, как это ни парадоксально, плавно, как регулярно заводимые часы. Изменения, рассчитанные на века, и занимают века, нигде чрезмерно не тормозя и не ускоряя хода. Развитие идет магистральным путем, не поворачивая вспять, не забредая в тупики. Попытки насильственного вмешательства отбрасываются, их последствия нейтрализуются. Все появляется в срок — ростки капитализма и социализма, ростки парламентаризма — и в срок оформляется: демократия, индустриальное общество, информационное, сетевое... Это — Европа.

Собственной энергетике ненапряженных структур не хватает для размеренной, последовательной, шаг за шагом, эволюции. Чтобы подтолкнуть процесс, структуру надо напрячь. Сжать, как пружину... которая потом распрямится. О плавности хода тут говорить не приходится. Тут не часовая пружина, вращающая изящные колесики, тут могучая стальная спираль. Тут так: застой — рывок, застой — рывок. Застой долг, тягуч. Рывок короткий, сокрушительный. Застой — апатия, рывок — анархия, “русский бунт, бессмысленный и беспощадный”... Это — Россия.

РОССИЯ — страна хронических реформ. Мы либо к ним готовимся (конец застоя), либо пытаемся их провести (рывок), либо приходим в себя после очередной неудачи (начало застоя)... Хрущевские реформы. Косыгинские. Реформы Горбачева. Ельцина. Теперь вот — реформы Путина. И это всего за полвека. На памяти одного поколения. Насчитывается 15 крупных российских реформ, вернее, попыток реформ, ибо все они потерпели поражение, считая горбачевскую и ельцинскую. И это справедливо не только в отношении политических и экономических, но и культурных и даже религиозных реформ.

По-видимому, первым неудачливым отечественным реформатором был князь Владимир, крестивший Русь в 988 году. Русь приняла православную веру, но за тысячу лет наш народ так и не стал истинно христианским народом. Реформа Владимира Святого оказалась половинчатой. Реформы Петра I тоже осуществились лишь частично. Его постоянной заботой была армия. Петр хотел сделать ее столь же боеспособной, как регулярные европейские части. Одетая в европейские мундиры, вооруженная европейскими ружьями, во главе с европейскими офицерами российская армия одержала несколько побед, в том числе и над европейцами — шведами. Однако армия набиралась из крестьян, и чтобы сделать ее по-настоящему европейской, нужно было поднять нищее и дикое крестьянство до уровня других общественных слоев, вовлечь его в гражданскую и культурную жизнь. Петр и его преемники оказались к этому не готовы. Не сумели они также передать ведущую роль среднему классу. Самые насущные преобразования не состоялись.

Весь исторический путь России усеян обломками несостоявшихся реформ. Так, может, страна принципиально не поддается преобразованиям? Или поддается, но не всяким?... Вопросы, что называется, в лоб. Давайте уйдем от линейности, посмотрим на вещи иначе. Будем считать, что 15 означенных попыток — это не 15 оборванных реформ, а 15 коротких и мощных эволюционных рывков. Причем настолько мощных, что за короткое время удавалось приблизиться к педантично шагавшему Западу, а то и догнать его. Почти. Всегда — “почти” и всегда — “догнать”. И в каких сферах?

В военной технике. Может быть, в верхнем слое культуры. Но не в экономике. Не в уровне жизни. С точки зрения Запада, это неизменно догоняющий тип развития. С точки зрения российских западников, Европа демонстрирует неизменно опережающий тип. С этих точек зрения все так. А вот с точки зрения эволюции напряженных и ненапряженных структур это два равно возможных типа, два параллельных пути развития.

Их, опираясь на метаисторический подход, исследует в “Розе Мира” Даниил Андреев. На рубеже XVI века, пишет он, экономика в Западной Европе сложилась “столь беспрецедентно и изумительно”, что впервые за всю человеческую историю два сверхнарода — романо-католический и северо-западный — одолели океан, завоевали Америку, втянули в свою орбиту Африку, открыли и частично подчинили своей цивилизации древние культуры Востока. Это, конечно, была колонизация во всей своей неприглядности, но постепенно военная экспансия сменилась экспансией социальных идей. “Мы не знаем, сколько еще веков должны были бы народы Востока и Юга пребывать на уровне социально-правового примитива, если бы демократические, гуманистические, социально-экономические понятия не хлынули бы в их сознание из поработившей их и их же теперь освобождающей западной цивилизации. Освобождающей — вопреки собственному колониализму, просто в силу логики вещей; освобождающей не только от ее собственного угнетения, но и от тысячелетнего феодального хаоса, от гнета древних выдохшихся идей и окостеневших форм и от множества других зол”. Так западные сверхнарода, сами того не подозревая, выполняли свою всемирную задачу. А она, по Д. Андрееву, состоит в создании “такого уровня цивилизации, на котором объединение земного шара станет реально возможным”.

Что же происходило в России в то время, пока Запад завоевывал мир, умножал богатства, закладывал фундамент будущего массового благополучия? В России в конце XVI и в XVII столетии осуществлялась экспансия на Восток. Но почему и ради чего? — спрашивает Д. Андреев. “Какими именно социально-экономическими причинами побуждаемый, русский народ, и без того донельзя разреженный на громадной, необжитой еще Восточно-Европейской равнине, в какие-нибудь сто лет усилиями отнюдь не государства, а исключительно частных людей залил пространство, в три раза превышающее территорию его родины, пространство суровое, холодное, неудобное, почти необитаемое, богатое только пушниной да рыбой, а в следующем столетии перешагнув через Берингово море и дотянувшись до Калифорнии?”

Экспансия на Восток превратила Россию из окраинной восточно-европейской страны в великую евразийскую державу, “заполняющую все полое пространство между Северо-Западной, Романо-католической, Мусульманской, Индийской и Дальневосточной культурами (то есть между почти всеми культурами, ныне существующими)”... Можно догадываться, что это имело отношение к

всемирно-историческому назначению России и что эти пространственные резервы должны послужить ареной для тех творческих деяний сверхнарода, свидетелем которых явятся XXI и XXII века.

Окончание на стр. 10

**Умом ее,
как известно,
не понять...**

РОССИЮ?

Для кризисных периодов типично, что народ, вконец устав от безнадежности, ждет чуда. Он, конечно, хочет больше денег, справедливости и порядка. Но главное — другой жизни, какой-то совсем не такой, как эта...